

Марина
СЕРОВА

Клуб *мертвых поэтов*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Марина Серова

Клуб мертвых поэтов

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Клуб мертвых поэтов / М. С. Серова — «Эксмо»,
2017 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-699-98108-3

Есть города, которым особенно к лицу не заурядное убийство, а таинственная смерть под покровом ночи или в блеске карнавала. Итак, место действия — Венеция, в главных ролях — шестеро молодых людей, сбежавших из России от надоедливых родителей или слишком предсказуемого прошлого. Они называют себя именами английских поэтов: Байрон, Китс, Шелли, Уордсворт, но почему-то погибают один за другим совсем юными, даже раньше, чем положено романтикам... Ваш выход, телохранитель и детектив Евгения Охотникова!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98108-3

© Серова М. С., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Клуб мертвых поэтов

© Серова М.С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Глава 1

– Скажите, милочка, у вас возникало желание кого-нибудь убить? По-настоящему, а?

Огонек сигареты моей собеседницы ярко вспыхнул в темноте после особенно яростной затяжки и на мгновение высветил окруженный морщинами, густо накрашенный блестящий глаз – единственное, что можно было рассмотреть в сырой и ветреной тьме венецианской ночи.

– Э-э, – протянула я. Меня не так-то просто поставить в затруднительное положение, но сейчас был именно такой случай. Ответить на вопрос значило познакомить собеседницу с подробностями моей биографии. Как любой человек, связанный со спецслужбами – пусть даже и в прошлом, – я старалась избежать этого любой ценой. Поэтому я выбрала дипломатичный ответ:

– Знаете, как-то не задумывалась над этим.

Моя собеседница усмехнулась в темноте и проговорила:

– Просто вы слишком молоды. Весь мир у ваших ног, и вам кажется, что так будет всегда.

– Простите, может быть, вы все-таки объясните мне, как пройти к гостинице? – спросила я. – Или мне поискать другого провожатого?

Я приехала в Венецию двадцать четыре часа назад и остановилась в маленькой гостинице на берегу какого-то канала. «Миранда» оказалась сущим клоповником с неудобными номерами. Да, понимаю, памятник архитектуры, постройка XVI века... Но я куда больше ценю душ и отсутствие сквозняков. Вообще-то мне было все равно – я не собиралась задерживаться здесь надолго.

Уже завтра мне предстояло покинуть Италию, вернуться в Россию, в провинциальный Тарасов, и доложить клиенту, что я не выполнила данное мне поручение. Проваленное задание само по себе было чрезвычайным стрессом для меня, а тут еще проклятая гостиница затерялась в путанице старинных переулков. Навигатор не показывал такую мелочь, как «Миранда», так что пришлось искать, так сказать, вручную. Плутая в ветреной ночи, несколько раз я натыкалась на небольшие гостиницы, но всякий раз это оказывался другой отель. Топографический кретинизм, в котором принято обвинять лучшую половину человеческого рода, – это не про меня, так что я пребывала в ярости из-за дурацкой ситуации с поисками отеля. Можно было бы бросить проклятый клоповник и переночевать в другом месте, но в номере отеля осталась моя сумка, а в ней одежда и кое-какое снаряжение, необходимое в работе. Так что я продолжала искать гостиницу с упорством, достойным лучшего применения. Бредя по берегу канала, я налетела в темноте на какое-то препятствие, оказавшееся металлическим столиком, и невольно выругалась сквозь зубы. Естественно, по-русски. Неожиданно меня окликнул женский голос:

– Неужели мне повезло?

– Простите?!

– Повезло встретить соотечественницу, – продолжал тот же голос, насмешливый и хрипловатый.

– Можете считать это везением, – хмыкнула я, – а вот мне не повезло. Отель «Миранда». Не подскажете, куда он запропастился? Утром вроде был здесь...

– Вы прямо из России? – не обращая внимания на мои слова, восхитилась собеседница.

– Ага. Фром Раша виз лав, – довольно злобно отозвалась я. От канала тянуло сыростью, вдобавок я натерла ногу. Мне хотелось только одного – чтобы поскорее наступило завтра. Я отправлюсь в аэропорт, и самолет компании «Меридиана» унесет меня далеко-далеко от, как всерьез уверял путеводитель, «туристического сердца Европы», чтоб ему провалиться...

– Надо же! – продолжала восхищаться невидимая в темноте женщина. – Прямо из России!

– Да, и мечтаю как можно скорее туда вернуться, – огрызнулась я. – Там в номерах отелей, кстати, есть отопление. Отличная штука. Сегодня ночью мне его очень не хватало. К счастью, у меня завтра самолет, так что разлука с родиной была недолгой...

Сегодняшний день состоял из сплошных неудач. Видимо, этим и объяснялось мое поведение – обычно я не вступаю в разговоры с незнакомыми людьми и тем более не посвящаю их в свои планы.

– А вот моя разлука с родиной была долгой... Вы действительно уезжаете завтра? – переспросила дама.

– Самолет в шестнадцать ноль-ноль из Марко Поло.

– Сядьте, – властно сказала незнакомка. – Мне нужно кое-что вам рассказать.

– Мне?! – поразилась я.

– Именно вам, – твердо ответила дама. – Это большая удача – встретить здесь соотечественника, тем более женщину.

– В Венеции полно русских туристов, – сказала я. – Вы могли бы выбрать кого-то еще... кого-то более подходящего. Я ведь здесь проездом.

– Именно поэтому вы мне подходите. Прошу вас, сядьте. – Голос дамы сделался просительным. – Надолго я вас не задержу. Зато потом провожу вас до гостиницы. Без меня вы все равно не найдете.

– Хорошо. – Я нашла в темноте кованый металлический стул и опустилась на холодное сиденье, потирая ушибленное колено. – Я внимательно вас слушаю.

– Я не назову вам своего имени, – строго проговорила дама, – вам совершенно незачем его знать. Достаточно того, что в свое время моя история наделала в России много шума.

Интересно, интересно... Пусть моя собеседница произнесла всего несколько фраз, пусть я не могла разглядеть ее лица, услышанного было более чем достаточно, чтобы составить первичный психопрофиль. В моем весьма специфическом учебном заведении меня еще и не такому учили.

Итак, что у нас тут? Женщина лет пятидесяти... нет, старше, гораздо старше. Образованная, грамотная речь, большой словарный запас. За границей проживает давно. По-русски разговаривает очень редко – в речи слышен легчайший акцент, сложные слова вызывают секундную заминку – требуется перевод с другого языка, который используется постоянно. Акцент скорее английский, чем итальянский, причем английский «туристический», «пиджин». Манера речи аффектированная, немного театральная. Эффектные паузы, некоторые фразы словно бы написаны драматургом. «Я не назову вам своего имени...» Голос богатый модуляциями, но хриплый – типичный голос курильщика со стажем.

– Двадцать лет назад я была успешной, как это теперь называют, бизнес-леди. Я была владелицей арт-галереи. Дела мои шли хорошо, галерея процветала.

Я вздохнула и приготовилась слушать. Видимо, придется уплатить эту цену за то, чтобы провести ночь в кровати, а не на набережной.

– Мой муж был моложе меня. – Голос незнакомки сделался ломким от давней обиды. – Я совершила обычную ошибку богатых женщин – они принимают интерес к своим деньгам за интерес к себе. Мой муж был художником, мы и познакомились в тот момент, когда он принес свои картины, чтобы выставить их у меня. Конечно, я помогла ему. Такой красивый, интеллигентный, тонкий мальчик. Он так смеялся моим шуткам! Был таким предупредительным и галантным! Хотя порой неуклюжим и трогательным. У него были ужасные манеры! Бедняжка, я его жалела. Родом откуда-то из провинции, но очень талантливый.

Дама помолчала. Я терпеливо слушала. О пристань плескалась ледяная вода, иногда брызги долетали до моего лица.

– То есть это тогда мне казалось, что он талантлив, – усмехнулась дама. – Теперь, глядя на его работы трезвым взглядом, я вижу, что он был самым обычным и не слишком талантливым. И не очень оригинальным. Но тогда я была ослеплена любовью!

Я слегка поморщилась, радуясь, что незнакомка не видит моего лица в темноте. Не люблю все эти страсти-мордасти, чрезмерные проявления чувств. Обычно такое плохо заканчивается...

И точно. Дама продолжала рассказ:

– Мы прожили вместе пять лет. Мне говорили иногда, что моего мужа видели то с одной, то с другой юной фифой. Но я не хотела и слушать. А потом... Однажды я улетела в Лондон, на «Сотбис». В то время офис в Москве еще не открыли. И о торгах через Интернет никто не слышал. Да и о самом Интернете тоже. Но в аэропорту у меня случился гипертонический криз, и я решила вернуться. Мой молодой муж проводил меня нежным поцелуем всего два часа назад, и я предвкушала, как он обрадуется, увидев меня. Я открыла дверь своим ключом...

– Не надо, не рассказывайте дальше, – мягко проговорила я, потому что голос незнакомки задрожал и прервался.

– Но я хочу! – с неожиданным пылом сказала дама. – Именно этого я и хочу – рассказать свою историю человеку, которого больше никогда не увижу! Так вот, я искала его по всему дому. А нашла в спальне. Он был там не один. Какая-то дешевая крашеная блондинка развлекала его на нашей постели. На моих черных простынях от «Лоры Эшли»!

– И что... что было потом? – Тут я заинтересовалась рассказом. Очевидно, это история не о банальной измене, а о чем-то более страшном.

– Я тихонько прошла на кухню, взяла один из моих ножей. Мой муж так любил, когда я сама готовила! Он говорил, что ни одна кухарка не сравнится со мной по части кулинарных талантов... Потом я вернулась в спальню.

Некоторое время было тихо. Потом дама совершенно спокойно закончила:

– Я убила их обоих. Сначала его, потом ее. Полгода я провела в тюрьме, пока шло следствие. И еще пятнадцать лет на зоне. Теперь я живу здесь. Вот и вся моя история.

– Я не знаю, что сказать, – проговорила я. – Все это так страшно...

– А мне и не нужно, чтобы вы что-то говорили, милая, – усмехнулась дама. – Что такого вы можете мне сказать, чего я сама не наговорила себе за эти годы? Мне было нужно, чтобы вы меня выслушали. Спасибо вам. А теперь перейдите через мостик – вон он, под фонарем, и на другой стороне канала вы найдете вашу гостиницу. Спокойной ночи.

Я встала. В голове у меня была полная каша. Зачем, зачем эта незнакомая дама именно меня выбрала для того, чтобы поведать свою тайну? А незнакомка как ни в чем не бывало спросила:

– Кстати, если не секрет, зачем вы приехали в Венецию? До карнавала еще три недели.

– Я приехала разыскать одного человека, – честно ответила я.

– Ну так не волнуйтесь – вы его найдете! – успокоила меня незнакомка. – В Венеции рано или поздно может появиться любой человек на земле. Нужно просто подождать.

«Миранда» обнаружилась совсем неподалеку, сразу за горбатым мостиком, пересекавшим узкий канал. Заспанный ночной портъе, сладко зевая, открыл мне дверь, и я смогла наконец подняться в номер и переодеться в сухую одежду. За день я продрогла до костей. Ворочаясь на влажных простынях, я вспоминала длинный и чрезвычайно неудачный день. Дело, которое привело меня в Венецию, стало самым коротким и самым провальным в моей практике.

Эта история началась для меня в прошлую пятницу. Провинциальный Тарасов утопал в снегу, длинные новогодние праздники закончились. Мусорные баки были полны елок с обрывками блестящей мишуры – в нашем городе пока еще не научились отправлять новогодние деревья на переработку.

Я только что вернулась с утренней пробежки, когда зазвонил телефон. Строгий мужской голос осведомился, готова ли я взяться за несколько необычную работу, которая будет соответствующим образом оплачена. Я осторожно поинтересовалась, что именно мой собеседник имеет в виду.

Вообще-то я телохранитель. Точнее, именно эту профессию я выбрала, поселившись в провинциальном Тарасове. Кроме того, я занимаюсь сопровождением грузов. Иногда обстоятельства принуждают меня выйти за рамки обязанностей телохранителя, а порой заводят так далеко... Впрочем, не будем об этом.

– Дело необычное, но я вовсе не собираюсь предлагать вам что-то противозаконное. – Голос моего собеседника звучал совсем уж холодно. – Меня зовут Илья Котов, и вы наверняка слышали обо мне.

Ну еще бы! Кто в нашем городе не слышал о главе «Тарасовнефти»! Илья Никитич нечасто появлялся на публике, зато всякий мог видеть его лимузин, что каждое утро въезжал в ворота, украшенные позолоченной табличкой с логотипом его фирмы.

– Так что? – поинтересовался нефтяной король. – Вы готовы поработать на меня? Или мне следует искать кого-то другого?

Я не стала ломаться и капризничать. Господин Котов – человек деловой и серьезный. Работа на него – честь для провинциального бодигарда.

– Говорите адрес, буду в течение получаса.

Особняк главы «Тарасовнефти» располагался в черте города, в тихом историческом центре. Кованные ворота бесшумно открылись, пропуская мой «Фольксваген» на территорию. Я уважительно отметила высококлассную наружную систему наблюдения – по-моему, в нашем городе больше никто не может такой похвастаться. Собственно, система была тщательно скрыта от глаз праздного наблюдателя, просто я знаю, куда смотреть.

Объехав особняк, я оставила машину на вымощенной камнем площадке и проследовала к парадному входу.

Массивные двери из настоящего, без дураков, дуба распахнулись передо мной, я поднялась по ступенькам и вступила в просторный холл. Здесь меня уже ждали. Представительный мужчина с благородными сединами и таким выражением лица, что становилось стыдно за свое плебейское происхождение, величаво сходил по ступеням лестницы. Я напряглась, припоминая, как выглядит господин Котов. Кажется, тот не столь импозантный мужчина, и очарование ему придают деньги, а вовсе не внешность. А это какой-нибудь дворецкий – сейчас модно обзаводиться такими вот батлерами, выписанными откуда-нибудь из Британии. Хотя этот, кажется, мажордом местного, так сказать, разлива.

– Евгения Максимовна Охотникова? Прошу за мной.

Личная охрана у Ильи Никитича тоже имелась – невозмутимые парни в хорошо пошитых костюмах, ребята из агентства «Черномор», лучшего в нашем городе. Кое-кого из этих ребят я даже знала лично – все-таки провинциальный город тесен, нет-нет да и столкнешься с коллегой. Кстати, «Черномор» вовсе не в том смысле, что, мол, строгий дядька, а при нем тридцать три дюжих молодца. Просто фамилия владельца была Черномордин. Для вывески агентства пришлось ее слегка облагородить. Поскольку Борис Анатольевич мой давний конкурент, его фамилия всякий раз вызывает у меня щенячий восторг...

Илья Никитич ждал меня в кабинете на втором этаже. Массивные кресла, дубовая мебель с какими-то резными узорами – повсюду дубовые листья. Камин, в котором горел настоящий огонь. На полу ковер – ничего не понимаю в коврах, но и профану ясно, что дорогуший. Хозяин особняка был невелик ростом, щеделушен и некрасив, а еще обладал слишком высоким для мужчины голосом. Некоторые слова он выделял так, будто они были набраны курсивом.

– Я получил о вас самые положительные отзывы, – не тратя времени на приветствия, произнес господин Котов, причем по его тону можно было предположить, что он мною очень недоволен.

– Благодарю. – Я приняла предложенный тон и без лишних слов опустилась в кресло, на которое указал мне хозяин дома.

С минуту мы беззастенчиво разглядывали друг друга. Я без малейшего смущения выдержала критический взгляд миллионера. Я знала, что господин Котов видит перед собой симпатичную темноволосую особу ростом метр восемьдесят, одетую в черный брючный костюм от Нины Саккариас, мрачную элегантность которого слегка разбавляла белоснежная блузка. Брошь в виде иероглифа «сила» мерцала на лацкане. Высокие каблуки моих сапог подчеркивали рост, которого я ничуть не стеснялась. Сумочка скрывала в своих таинственных глубинах много такого, о чем посторонним лучше не знать.

А вот я видела перед собой нервного, чисто вымытого и неприятного господина. Его бесцветные губы были сжаты в тонкую линию, серые глаза шурились за стеклами очков в тонкой оправе, холеные пальцы выбивали нервную дробь по колену, обтянутому серым джерси. Костюмчики, скорее всего, мы шьем на Сэвил-Роу. И рубашечки оттуда же. А вот часов господин Котов не носил.

Скорее всего, перед тем как предложить мне работу, Илья Никитич навел справки и узнал обо мне вот что. Столичная штучка, в Тарасове поселилась несколько лет назад. Занимается личной охраной и сопровождением грузов. Предпочитает работать одна, при необходимости привлекает охранное агентство Сергея Коваля. Имеет прочные дружеские связи в правоохранительных органах. Проживает с единственной родственницей – пожилой тетусшкой Людмилой Охотниковой, в прошлом преподавательницей юридического института...

Вот примерно так. Это была версия, тщательно смоделированная мной еще на заре карьеры и выложенная в открытый доступ.

А вот чего не знал господин Котов. Я родилась на другом конце страны, во Владивостоке. Мой отец был военным. В отставку вышел в чине генерала. Неудивительно, что свое единственное непослушное чадо он решил пристроить в какой-нибудь профильный вуз, где ему – то есть чаду – вправили бы мозги, потому что папа с этой трудной задачей уже не справлялся. Учебное заведение, где я провела следующие несколько лет, было весьма специфическим. Официальная версия была такова: я получу диплом референта-переводчика, причем гарантировалось владение сразу несколькими языками. Но на самом деле мой вуз имел непосредственное отношение к спецслужбам и готовил кадры для деликатной работы. Это только в кино Джеймс Бонд висит на башенном кране и взрывает поезд. В жизни работа агента куда более рутинная. На третьем курсе я получила предложение пройти обучение в отряде специального назначения «Сигма». Из пятнадцати девушек до конца обучения продержались только три. Честно говоря, мне тоже много раз хотелось бросить – ну какой девице в девятнадцать лет понравится плавать с аквалангом в ледяной воде и изучать основы взрывного дела? Но я очень упрямая. Так что в результате «Сигма» стала моей единственной семьей. Причины, по которым я покинула службу, очень сложны. Главное – это то, что я уехала в провинциальный Тарасов и постаралась начать жизнь с чистого листа. Что еще можно сказать обо мне? Люблю спорт. Не строю прочных отношений.

А вот что я узнала о господине Котове. Сорок девять лет, в далеком прошлом – комсомольский лидер, из тех мальчиков с аккуратными прическами и в скверно пошитых отечественных костюмах, мальчиков с двойной моралью – помните? «Одни слова для кухонь, другие – для улиц», из тех циничных мальчиков, что сумели вовремя подсуетиться и урвать себе вкусные кусочки из-под носа старших товарищей – как маленький юркий тираннозавр опережает неповоротливого диплодока.

Итак, вовремя подсуебившись, Котов оказался владельцем акций Тарасовского нефтеперерабатывающего завода. Но не один Илья Никитич был такой умненький – и девяностые годы двадцатого века Котов провел в борьбе. Бывший комсомольский лидер был умным и осторожным. Для начала он подождал, пока самые жуткие персонажи перестреляют, взорвут и пересажуют друг друга. А уж потом вступил в игру на несколько очистившейся арене.

К чему лишние подробности? Главное, что миллионум Илья Никитич встретил вполне респектабельным бизнесменом. Волшебный отсвет богатства озарял нынешнюю жизнь господина Котова – процветающий бизнес, особняк в центре родного города и дом на Мальте, яхту, что ожидала весны в эллинге, пару борзых, которыми занимался специально нанятый человек и которыми владелец чрезвычайно гордился; весь этот дом с узорами из дубовых листьев в самых неожиданных местах – к примеру, на портсигаре владельца, супругу-домохозяйку, а также потомство миллионера – красавицу дочь, недавно удачно выданную замуж, и сына Никиту, получавшего образование где-то за границей.

Ну что ж, господина Котова можно было только поздравить. Успех, благополучие и богатство – чего еще можно желать бывшему комсоргу истфака? Однако раз Илья Никитич обратился ко мне, телохранителю Евгении Охотниковой, это значит, что где-то на глянцевой поверхности этой благодной картинке есть ма-а-ленькая такая трещина. У Котова есть проблема. Итак? Дети, деловые партнеры, супруга или конкуренты? Обычно у состоятельных людей проблемы традиционно располагаются именно в такой последовательности – по степени убывания.

– Евгения Максимовна, мне вас рекомендовали как высококлассного специалиста, – сухо произнес Котов. – Я хочу, чтобы вы отправились в Италию, взяли за жопу моего сына Никиту и притащили его в Тарасов.

Я слегка приподняла брови, удивляясь прямоте выражений. Надо же, я-то думала, что Котов сейчас начнет долгую вступительную речь, а он сразу обозначил цель.

– Я согласна, но мне необходимы подробности.

Котов кивнул и сцепил на колене длинные худые пальцы.

– Насколько я знаю, ваш сын Никита получает образование за границей? – уточнила я.

Котов дернул уголок рта:

– Ничего он не получает. Даром теряет время. В его возрасте это непозволительная роскошь!

Миллионер мрачно уставился на герб над камином – щит, а на нем, естественно, дубовые листья.

– Никита изъявил желание изучать историю искусств. Естественно, я был против! Мой сын – и такая бабья специальность?! Но Никита так же упрям, как его мать. Начались ссоры, скандалы... Наша жизнь превратилась в кошмар. – Котов поморщился. – Наконец мы пришли к компромиссу – я даю сыну ровно год на то, чтобы попробовать себя в этом деле. Если Никита достигнет успехов в качестве искусствоведа – что ж, я не стану препятствовать сыну. В конце концов, в этом бизнесе крутятся неплохие деньги... Но все это была только блажь.

Тут Котов замолчал.

– Ваш сын не добился успеха, время истекло, а Никита домой не вернулся? – сообразила я.

– Совершенно верно, – скривился мой собеседник. – Этот щенок не желает возвращаться в Тарасов. Мало того, недавно заявил мне, что вся моя жизнь – погоня за миражами и что я забыл о подлинном. – Котов дернул щекой. – О подлинном, мать его! Это после того, как мои дети ни в чем не знали отказа, как я оплачивал ему лучшие школы, уроки тхэквондо и покупал то собаку, то горные лыжи, то машину...

– А что, если урезать содержание? – осторожно предложила я. Вообще-то Котов нанимал меня не советы давать, но простейший путь иногда самый надежный...

– Это было бы замечательно, – едва заметно улыбнулся Илья Никитич, – вот только мальчик уже совершеннолетний – ему двадцать два, и у него есть собственные средства. Дура-тетка оставила наследство. Не бог весть что, но лет на десять хватит.

Тут Котов внезапно расвирепел – холеные пальцы задрожали, раздулись ноздри, и даже блеклые глаза сверкнули угрожающе:

– Но я не могу позволить, чтобы мой сын, мой наследник потратил десять лет жизни, причем лучшие годы, на всякую ерунду!

Я понимающе кивнула. Да, человек, который окружил себя собственными гербами, который сына назвал в честь своего отца, явно очень привержен семейным ценностям. Для него неудачный наследник – это личное поражение, а каково это ему, победителю, привыкшему получать то, что захочет? Вот то-то...

– Скажите, ваш сын попал в скверную компанию? – деликатно поинтересовалась я. Знаем мы этих наследничков за границей – деньги веером, веселые девочки, гонки на «Феррари»... Но ответ Котова меня удивил.

– Если бы! – страдальчески скривился миллионер. – Это я еще мог бы понять – в конце концов, сам был молодым...

Я с сомнением покосилась на бизнесмена. У Котова был такой вид, будто он родился сорокалетним, прямо в костюме и очках. Трудно было представить, что когда-то он был легкомысленным студентом. Хотя был же – как все...

– Дело обстоит куда хуже, – начал посвящать меня в подробности Котов. – Мой сын связался с какими-то полоумными. Собираются, читают стихи собственного сочинения, ходят в оперу... Вот скажите, по-вашему, это нормально для парня, которому двадцать два? У него должны гормоны играть, а он сидит в заплесневелом палаццо и стишки пописывает!

Котов возмущенно задышал. А я задумалась. Да, действительно, ситуацию типичной не назовешь. Чтобы в наше время молодой человек из состоятельной семьи предпочел образ жизни поэта девятнадцатого века всем удовольствиям, которые сулит ему обеспеченная жизнь... Нет, так не бывает. Должно быть что-то еще...

Я подняла глаза и обнаружила, что господин Котов очень внимательно наблюдает за моим мыслительным процессом.

– Так, – произнес миллионер, – вижу, у вас появились какие-то соображения по поводу моей ситуации. Мне вас рекомендовали как человека, способного решить любую проблему. Я согласился и рад, что не ошибся. Итак, я слушаю.

– Думаю, вероятных причин две – наркотики или женщина.

Котов едва заметно поморщился при слове «наркотики», а вот идея насчет подруги заставила его задуматься.

– Мой сын даже алкоголь не употребляет, а к наркотикам у него стойкое отвращение, – с ноткой гордости в голосе произнес Илья Никитич. – Я воспитал своего сына морально устойчивым и приверженным правильным ценностям.

Я едва сдержалась, чтобы не улыбнуться. Все-таки где-то под оболочкой лощеного бизнесмена спрятан маленький комсомольский функционер с веснушками на бледном носу и набором трескучих фраз на кончике языка.

Я пожала плечами:

– Людям свойственно меняться. А дети, вырастая, первым делом отбрасывают моральные ценности, привитые им родителями. Обычное дело. К тому же я не говорю, что ваш сын сидит на героине или употребляет, скажем, кокс. Наркотики бывают разные. Некоторые – неотъемлемая часть какой-либо субкультуры. К примеру, абсент был неременной частью жизни поэтов-символистов...

– Вы думаете, Никита «подсел» на абсент? – недоверчиво спросил Котов. – Все-таки версия с женщиной кажется мне более убедительной. Странно, что я сам не подумал об этом.

Мальчишка попал в лапы какой-нибудь профессионалки и слюни развесил. Знаем, как это бывает.

Котов заметно повеселел. Теперь ситуация представлялась миллионеру не такой безнадежной – вместо непонятной, необъяснимой проблемы перед нами виднелись вполне разрешимые трудности. Стоит разобраться с ними – и все станет хорошо! Илья Никитич слегка изменил позу, расслабился и перестал стискивать руки.

– Вы там пожестче с этой девицей, – недобро улыбнулся Котов. Видимо, в его сознании уже сформировался образ итальянской профурсетки – виновницы всех бед его мальчика.

– Я готова приступить к работе, – кивнула я. – Последний вопрос – каким образом вы сами пробовали повлиять на сына?

Котов снял очки и принялся протирать их белоснежным платком. Ага, понятно. Этот прием используют в разговоре, когда хотят потянуть время, чтобы сформулировать ответ... или придумать правдоподобную ложь. Время шло. Я терпеливо ждала. Наконец миллионер водрузил очки на место и проговорил:

– Я много раз беседовал с Никитой по телефону. Возможно, в последний раз я был излишне резок... и наговорил лишнего. После этого разговора Никита перестал отвечать на мои звонки. Но я знаю, что с сыном все в порядке, потому что он созванивался с матерью. Вы же понимаете, она куда мягче... матери готовы простить своим ангелочкам все. Включая убийство...

Я напряглась. Неужели проблемы юного Котова куда серьезнее, чем пытается представить его отец? Неужели мальчик впутался во что-то уголовное?

– У вас есть основания для такого предположения? – вкрадчиво поинтересовалась я. Вообще-то мне приходилось вытаскивать клиентов и не из таких передраг, но это не совсем мой профиль работы. Грамотный юрист принесет гораздо больше пользы, чем телохранитель, если речь идет о преступлении...

– Вы неправильно меня поняли. – Голос миллионера снова сделался холодным. – Мой сын ни в чем подобном не замешан! Он разумный, законопослушный молодой человек.

Ага, все родители так говорят...

– Думаю, мы обсудили все. – Илья Никитич, похоже, решил поскорее закончить неприятный разговор. – Остались детали – оплата.

Я приятно улыбнулась, и вопрос с оплатой был решен к обоюдному удовольствию.

С визой у меня проблем не возникает – дело в том, что у меня есть вид на жительство в Евросоюзе. Точнее, в Германии. Один человек, художник, с которым мы познакомились при весьма драматических обстоятельствах... в общем, этот человек меня ждет. Так мне и сказал: «Евгения, я буду ждать столько, сколько понадобится. И никакая другая женщина мне не заменит тебя». Поскольку я вовсе не собираюсь связывать с ним мою жизнь, у него высокие шансы дожить до конца дней холостяком. Но пусть ждет! Не я же его заставляю. По-моему, ему просто нравится жить одному, а его слова – это просто отмазка, позволяющая отбиваться от хищных дамочек, так как мой друг художник не только богат, но еще и очень красив... В общем, он сделал мне вид на жительство, так что в Италию я въехала без проблем.

Из Тарасова самолеты в Италию не летают. Я взяла билет на самолет до Москвы, а уже оттуда лайнер компании «Меридиана» доставил меня в аэропорт Марко Поло в Венеции. Адрес Никиты дал мне его отец. Багажа у меня не было – только легкая спортивная сумка. С собой я взяла немного вещей, необходимых для поездки, да еще минимальный набор снаряжения – на всякий случай. Я не собиралась задерживаться в Венеции надолго. Мало того – задание представлялось мне чрезвычайно легким. Избалованный сынок миллионера закапризничал, решил сойти с рельсов, на которые поставил его отец и по которым по плану господина Котова должна была гладко катиться жизнь его сына. Что ж, Никите придется послушаться. Илья Котов не из тех, с кем можно спорить без вреда для своего будущего...

Сейчас я поговорю с мальчишкой, сделаю «расклад ситуации», как говорил наш инструктор в «Сигме», расскажу, чем грозит Никите конфликт с отцом. Два билета на дневной рейс до Москвы уже забронированы мной, так что уже завтрашним вечером Илья Никитич сможет обнять наследника... ну или выпороть фамильным ремнем, это уже не мое дело.

Но ситуация с первых минут вышла из-под моего контроля. Для начала Никиты не оказалось дома. На звонок никто не реагировал, окна выглядели безжизненными, даже жалюзи ни разу не дрогнули после получаса наблюдения. А жаль. Поговорка «дома и стены помогают» верна лишь отчасти. На самом деле в привычной обстановке человек расслаблен, а следовательно, более уязвим. Кроме того, интерьер, картины на стенах, безделушки на письменном столе могут много рассказать о владельце – нужно только уметь «прочитывать» эти послания. Я никогда не встречалась с Котовым-младшим, а всю информацию о нем получила от его отца. Хорошо воспитанный молодой человек, не замеченный ни в чем порочащем, испытывающий стойкое отвращение к наркотикам, выпивке и случайным связям... Возможно, сам господин Котов в эту чушь верит, но мне такой портрет кажется не очень-то правдоподобным. Так что осмотр жилища Никиты дал бы мне шанс узнать парня получше.

Пришлось использовать запасной вариант. Я достала телефон и набрала номер Никиты. Приятный женский голос любезно сообщил мне, что абонент недоступен. Я огляделась по сторонам. Туристическая столица Европы выглядела на редкость непривлекательно – даже мой провинциальный, продуваемый всеми степными ветрами Тарасов и то смотрелся презентабельнее. А тут неслись по небу темные облака, ветер рвал в клочья воду каналов, ледяные брызги прогнали редких туристов от воды, и даже гондол не было видно. Где искать Никиту, я не имела понятия. Котов-старший не знал, с кем общается его сын, второй год проживая в Венеции.

Разыскивать Котова-младшего через учебное заведение, где тот пытался сделаться искусствоведом, совершенно бесполезно. Сейчас в Европе все настолько боятся террористов, что координат Никиты мне не дадут.

Я решила действовать по-другому. Решительно подошла к двери и позвонила. Вышел консьерж, по виду больше напоминавший охранника. Мой итальянский слишком хорош для выбранной мной роли – я ведь знаю, какова репутация «русских» за границей, поэтому разговор я начала на ломаном английском:

– Добрый день! Не могли бы вы мне помочь? Я ищу господина Котова, который проживает в квартире 2 «Б». Никиту Котова. Я его родственница из России. Приехала всего на несколько часов, а Никиты нет дома. Что же мне делать?

Я включила глупую улыбку и похлопала ресницами. Этот нехитрый прием очень помогает в разговоре с мужчинами средних лет – собеседник сразу же преисполняется чувства собственной значимости, начинает поглядывать на тебя сверху вниз и даже старается помочь некомпетентной идиотке. «Метод хамелеона», простейший вариант. Срабатывает десять раз из десяти.

– Синьор Котов здесь не живет, – сочувственно глядя на меня, сообщил консьерж. – Так, появляется раза два в месяц.

– Может быть, вам известен его новый адрес? – Я беспомощно взглянула на мужчину. – Или адрес, по которому для него пересылают корреспонденцию?

– К сожалению, ничем не могу помочь, – вздохнул консьерж. Кажется, он всерьез мне сочувствовал. – Я уже месяц не видел ни синьора Котова, ни его друзей.

Ага! Значит, у нас имеются друзья... И Никита, скорее всего, прячется у кого-то из них.

– А как насчет адреса кого-то из знакомых Никиты? Или его девушки? Я готова хорошо заплатить за эту информацию.

Кажется, я немного перестаралась. Для родственницы, пусть даже из России, я вела себя слишком напористо. Взгляд консьержа вдруг сделался колючим и подозрительным.

– Извините, ничем не могу помочь. В мои обязанности не входит слежка за жильцами. Уходите, не то я вызову полицию.

Вот только полиции мне тут не хватало! Но следовало доиграть спектакль до конца.

– А мне говорили, что Венеция – туристическая столица мира и люди здесь исключительно любезные! – обиженно протянула я. Консьерж скрылся – как будто устрица захлопнула раковину, а я поскорее свернула за угол. Нечего маячить перед домом Котова и нервировать бдительного консьержа.

Что ж, и эта ниточка оборвалась. По всему видно, что блицкрига не получится. Известно, сколько времени придется потратить на поиски Никиты. В том, что я найду наследника, я ни секунды не сомневалась. Никита Котов – просто мальчишка, ему от меня не спрятаться. Но мое пребывание в Венеции затягивается. А это значит, нужно позаботиться о ночлеге.

Некоторое время я брела по улице куда глаза глядят. Не понимаю, чем Венеция так привлекает туристов! Красивый город, конечно, но не в лучшем состоянии, скажем прямо. Вся эта эстетика распада меня не радует, я человек прямой и позитивный. Палаццо выглядят так, как будто разрушатся от малейшего толчка, не говоря уже про хороший выстрел – как в том фильме про Джеймса Бонда. Вода в канале не слишком чистая на вид. Моя Волга гораздо приятнее, а ведь по ее берегам не слоняются толпы туристов со всего света... Хотя, очень может быть, дело в том, что сейчас зима? И в другое время Венеция выглядит куда привлекательнее?

Я подняла глаза и увидела вывеску на древнем четырехэтажном здании. Казалось, это обшарпанное строение не падает только потому, что втиснуто между соседними домами. Блеклыми, выцветшими от времени и сырости красками на вывеске была изображена девица в ночной рубашке – а может быть, просто в белом платье. За правую руку девицу держал ангелоподобный юноша, за левую – какой-то Квазимодо. «Отель „Миранда“».

Я толкнула разбухшую от влаги дверь и вошла. Гостиница была маленькой, очень старой. Конечно, ни о каком комфорте в этих стенах с плесенью по углам и речи нет. Но ведь мне нужно пристанище всего на одну ночь. И я превосходно умею обходиться минимумом удобств. Решено, остановлюсь в «Миранде», которая явно не может похвастаться наплывом постояльцев – это если судить по количеству ключей, которыми увешана почерневшая доска за спиной мальчишки-портье.

– Рад приветствовать вас в одном из лучших отелей города! – с заученной улыбкой выдал мальчишка – по виду выходец из стран Ближнего Востока – на неплохом английском. Что ж, теперь я могла не стесняться своего слишком хорошего итальянского:

– И тебе привет, дружок! Сколько стоит одна ночь в вашем заведении?

Интерес в глазах парнишки угас. Я явно не была богатой американской туристкой, которую легко развести. Портье сквозь зубы назвал стоимость номера – вполне разумную.

Я заполнила бланк, назвавшись микробиологом, приехавшим на конгресс – это в Венеции-то! Но портье и глазом не моргнул – ему было все равно. Я наугад выбрала номер – мне всегда нравилось число «восемь», взяла ключ и поднялась на второй этаж по узкой скрипучей лестнице. Номер оказался предсказуемо темным, маленьким и сырым. Даже вид из окна открывался какой-то явно «не туристический» – задворки, задний дворик какого-то кафе. Двое работяг разгружали ящики, и о том, что дело все-таки происходит в Венеции, а не в Тарасове, напоминало только то, что разгружали они старенький катер, а не тентованную «Газель». Некоторое время я наблюдала за работягами, потом задернула шторы и включила электрическое освещение. В номере сразу стало уютнее. И ради чего Никита Котов торчит в этом промозглом заплесневелом городе с толпами туристов?

Я прямо в одежде улеглась на кровать, вооружилась телефоном, настроила себя на долгое терпеливое ожидание и принялась дозваниваться Никите. Ничего, голубчик. Я точно знаю, что номер мобильного ты не сменил, потому что по этому номеру тебе звонит мамочка. Так что рано или поздно ты ответишь...

Никита принял вызов около четырех часов дня.

– Вы кто? – по-английски поинтересовался юношеский ломкий голос. – Что вам нужно? У меня девятнадцать пропущенных вызовов от вас. Немедленно объясните, что вам надо, или я иду в полицию!

– Синьор Котов, у меня к вам чрезвычайно важный разговор, – вкрадчиво произнесла я по-итальянски. – Где мы могли бы встретиться?

Приходится хитрить – если я сразу признаюсь, что приехала по заданию Ильи Никитича, мальчишка повесит трубку и откажется со мной разговаривать. Придется напускать туману.

– Встретиться? – удивился Никита. – Я не собираюсь встречаться с вами. Я вас не знаю. Может, вы меня украсть хотите! А потом выкуп с отца потребовать.

Я включила самый обольстительный смех из своего арсенала.

– Что вы, синьор Котов! Если вы беспокоитесь о своей безопасности, назначайте встречу в людном месте. Я согласна на любое. Только прошу вас, как можно скорее! Нам необходимо встретиться.

Никита помолчал. Видимо, мальчишка был заинтригован. Наконец Котов произнес:

– Через час в ресторане отеля «Фортуна». Как я вас узнаю?

Ага, сработало! Моя простенькая ловушка захлопнулась. Глупый кролик попался. Редкий мужчина устоит перед сценарием под названием «таинственная незнакомка».

– Я сама вас узнаю, – туманно пообещала я и прервала связь первой.

Ну вот, дело оказалось таким же предсказуемым и простым, как мне представлялось с самого начала! Никаких проблем. Сейчас я побеседую с мальчишкой, завтра запихну его в самолет и доставлю к папочке. Получу щедрое вознаграждение и... о том, куда потратить деньги, я подумаю потом, когда дело будет сделано!

Я переоделась, наложила макияж. Наряд для встречи я выбрала приличный, лишь с легким намеком на сексуальность. Я ведь не должна выглядеть как охранник, иначе спугну мальчика. Сумку пришлось оставить в отеле – не тащить же в ресторан этот предмет, набитый моим снаряжением.

Через час с четвертью я сидела за столиком в ресторане отеля и придиричиво изучала меню. Мальчишка опаздывал, а я порядком проголодалась. Вообще-то я собралась сначала пообщаться, а уже потом вознаградить себя за хорошо проделанную работу ужином в дорогом, чего уж тут скрывать, заведении. Но вокруг витали вкусные запахи, да и сидеть над бутылкой минералки было как-то подозрительно. Поэтому я заказала «ризотто nero» – из риса, окрашенного чернилами каракатицы, и даже успела неторопливо съесть восхитительное блюдо. Никита Котов появился к тому моменту, когда мне уже принесли кофе. Высокий, широкоплечий, круглолицый и румяный, Никита ничуть не походил на своего отца. Молодой человек остановился в дверях, оглядывая наполненный публикой зал. Глаза Никиты бегали, и меня поразил контраст между спортивной мужественной внешностью Котова и его нервными повадками.

Я привстала и помахала Никите, повторив жест Лайзы Миннелли из моего любимого фильма «Кабаре». Котов подошел и сел за мой столик. К нему немедленно подскочил официант, но юноша отослал его небрежным жестом.

Никита смерил меня взглядом, который вначале был заинтересованным, но постепенно трансформировался в опасливый.

– Кто вы? Я вас не знаю, – нервно облизывая губы, пробормотал молодой человек. – И вообще я думал, вы помоложе...

Я пропустила мимо ушей вопиющую бестактность мальчишки. В конце концов, я сюда пришла не комплименты получать, а работать.

– Вы боитесь меня? – улыбнулась я.

Никита с вызовом уставился мне в глаза:

– Вас? А что, нужно бояться? Кстати, имейте в виду, если вы задумали что-то криминальное – снаружи меня ждут друзья!

Ага, так я и поверила. На встречу с женщиной нормальные мужчины приходят в одиночку.

Мы вели беседу по-английски, но тут я перешла на русский:

– Никита, я приехала по поручению вашего отца. Он очень ждет вас и хочет, чтобы вы как можно скорее вернулись домой.

Лицо юноши исказила гримаса отвращения.

– И не надоело папаше присылать за мной своих овчарок? Только не говорите, что в кармане у вас лежат билеты на самолет!

Вообще-то Котов-младший угадал. Но я возмущенно покачала головой:

– Как вы могли такое предположить! Я уважаю ваше право вести тот образ жизни, какой вы считаете правильным.

Никита слегка расслабился, а я продолжала обработку:

– Вы взрослый, совершеннолетний, материально независимый человек. Разумеется, вы свободны в своем выборе...

– Вот именно! – поддакнул Котов.

– Но ваш отец очень огорчен тем, что вы напрасно растрчиваете лучшие годы жизни и ваши таланты не находят применения.

– Таланты? – удивился юноша. – Только не говорите, что это вам мой отец сказал. Он никаких талантов, кроме способностей финансиста, в людях не ценит. Все остальное для него – чужь и блажь! Он даже о лейкистах не имеет ни малейшего понятия.

– Но ваша мама без вас страдает!

Честно говоря, эту козырную карту я приберегала в рукаве. Раз мальчик, прервав любые контакты с отцом, продолжает общаться с мамочкой, значит, между ними теплые сердечные отношения. Но реакция Никиты на мои слова была неожиданной. Молодой человек неприятно улыбнулся, сделавшись удивительно похожим на своего отца, и сказал:

– Вот мама как раз и не страдает! Сразу видно, что вы с ней незнакомы. Мама меня любит и желает только одного – чтобы я был счастлив.

– А вы счастливы? – скептически поинтересовалась я. Молодой человек вовсе не выглядел счастливым и довольным жизнью, скорее нервным, злым и очень напряженным.

– Да! – заявил Никита, с вызовом глядя мне в лицо. – В этом потрясающем, волшебном городе я счастлив! У меня есть все, что нужно человеку.

Я подождала, пока молодой человек успокоится, но Котов продолжал кипятиться:

– А с мамой я созванивался сегодня утром. Кстати, это именно она предупредила меня, что отец в очередной раз что-то затевает. С ней отец, как обычно, не посоветовался, решил все сам, он же у нас босс. Я так и думал, что папаша пришлет очередную овчарку, тут уже приезжали мальчишки в костюмчиках, я их послал подальше.

Ага, это он про ребят из охранного агентства «Черномор».

– Меня вы тоже пошлете подальше? – Я насмешливо взглянула на юношу, и тот слегка смутился.

– Просто я вас представлял несколько, э-э... по-другому. Можете убираться в ваш задрипанный Тарасов и передайте отцу, что я в гробу видал эту «Тарасовнефть»! Все, разговор окончен! – Никита неожиданно вскочил, бросил мне: – Не смейте меня преследовать, а не то вызову полицию, – и бросился к выходу.

Я никак не ожидала такого и кинулась за юношей, но путь мне преградил официант, похожий на худосочного пингвина:

– Простите, мадам! Вы не оплатили счет!

Ругаясь про себя, я швырнула ему на подносик купюру, с лихвой перекрывавшую стоимость съеденного мной ризотто, и продолжила погоню.

Но было поздно. Никита не соврал – его действительно ждали друзья. Вот только ожидали они его на катере. На улице уже темнело, и я успела разглядеть только два силуэта в черных, лаково сверкающих под фонарем плащах с капюшонами. Никита ловко спрыгнул на металлическую палубу, мотор катера взревел. Зажегся прожектор на носу, кораблик газанул с места, описал плавную дугу и скрылся за поворотом канала. О преследовании не могло быть и речи. Мальчишка обставил меня, как первоклашку!

Продолжая ругаться – на этот раз уже вслух, все равно никто меня здесь не поймет, – я застегнула куртку и огляделась. Так, Охотникова, немедленно прекрати психовать, возьми себя в руки и подумай, что делать дальше. Нельзя же оставить задание невыполненным! Моя репутация, честно заслуженная годами безупречной работы, может серьезно пострадать из-за одного капризного мальчика-мажора! Не могу я такого допустить. Просто не ожидала такого щелчка по носу от мальчишки...

Холодный ветер и брызги со стороны канала слегка охладили мое пылающее лицо. Сделав несколько простых дыхательных упражнений, я успокоилась окончательно.

Что ж, попробуем съесть эту редьку с другого конца – помнится, так любил говорить наш инструктор по подрывному делу... Я зашла в маленькое кафе, заказала чашку кофе, сняла куртку и заняла столик у окна. Набрала номер, забитый в память моего телефона на резервной сим-карте. Там у меня хранятся номера людей, с которыми я не общаюсь и не сотрудничаю, но и терять эти контакты мне жалко. Могут пригодиться – вот как сейчас.

– Слушаю.

Хрипловатый мужской голос звучал так чисто, как будто мой собеседник находился не за многие тысячи километров, а за соседним столиком.

– Борис Анатольевич? Добрый день, это Охотникова. Помните меня?

В трубке повисла пауза. Наконец мужчина произнес:

– Помню, к сожалению. Хотя стараюсь забыть. Что вам нужно, Евгения?

Человек, которому я звонила, был владельцем того самого охранного агентства «Черномор». С Борисом Анатольевичем нас связывала давняя вражда на почве «передела поляны» и всего одно совместное дело. И, если совсем уж честно, одна совместно проведенная ночь.

Хозяин «Черномора» был личностью колоритной. В начале восьмидесятых сельский паренек, только что отслуживший в Афгане, пришел работать в милицию, чтобы охранять закон и порядок. В девяностые он был с треском уволен из органов, потому что то, что вытворял Черномор, даже на общем фоне выглядело жутковато. Теперь дорога Черномору лежала напрямик в главари какой-нибудь мелкой ОПГ – с его-то опытом. Но Борис неожиданно исчез из города и появился в начале нулевых. Сначала пытался заниматься бизнесом – то строительным, то иномарки продавал, в нефтянку и газ предусмотрительно не совался. Дела у Черномора шли неплохо, но все это было не то. И наконец Борис нашел свое призвание – открыл охранный агентств. Кое-какие связи в местном УВД у бывшего опера сохранились. Агентство «Черномор» вскоре заняло лидирующую позицию на бедноватом провинциальном рынке охранных услуг.

Разумеется, эта история разворачивалась не на моих глазах – я знаю ее со слов моей тетушки Милы. Людмила Охотникова много лет преподавала в юридическом институте, и юный заочник Боря Черномордин сдавал ей зачеты и экзамены. Мила никогда не выпускает из виду своих бывших студентов – особенно тех, кто чем-то выделяется на общем фоне, и внимательно следит за их судьбой. А я имею привычку собирать разнообразную информацию обо всех, с кем меня сводит судьба, – вдруг пригодится? Так что я знаю о Борисе Анатольевиче куда больше, чем ему хотелось бы.

Когда я появилась в Тарасове, Черномор уже был лидером. Одно время я даже подумывала, а не попроситься ли к нему в качестве сотрудника. Но Черномор принципиально не нанимал женщин, считая, что бабе в охранном деле не место. Разумеется, я не могла согласиться с таким глубоко несправедливым, вопиюще непрофессиональным и просто оскорбительным для меня утверждением. К тому же интересы моих собственных клиентов несколько раз вступали в противоречие с работой агентства Черномордина, и такого я никак не могла стерпеть. Так что для меня путь в «Черномор» был закрыт навсегда. После нескольких серьезных стычек мы с Борисом соблюдали вежливый, но холодный нейтралитет: он не мешал мне заниматься своим делом, а я старалась не становиться на пути у его ребят. Город у нас небольшой, и мы могли бы серьезно осложнить жизнь друг другу. А зачем, если сложностей и без того хватает? Я уважала его профессиональные качества, а Борис меня, по-моему, слегка побаивался. Особенно после того дела... Но об этом – как-нибудь в другой раз.

Главное, что Черномордин был мне должен. Не то чтобы я ему жизнь спасла... просто избавила от серьезных неприятностей. Я знала, что Черномор долгов не забывает, потому и позвонила.

– Что тебе нужно? – переходя на «ты», повторил Черномор. Голос его звучал глухо и напряженно. Наверное, именно с таким чувством джинн каждый раз вылезает из лампы, когда ее потрет чья-нибудь рука – что-то потребуют на этот раз? Дворец построить или дворец разрушить?

– Слушай, Борис, у меня несложная просьба, – поспешила я успокоить собеседника.

– Ладно, излагай, – вздохнул Черномор. – Хотя в твоём случае «несложная» – это может быть все, что угодно...

– Ты занимаешься охраной Котова? – Я задала вопрос, ответ на который знала и так.

– Ну, типа. А тебе-то что?

– Ой, вот только не надо ломаться! – фыркнула я. – Я видела твоих ребятишек у него в особняке, а значит, и они видели меня. Ни за что не поверю, что твои люди тебе не доложили об этом!

– Допустим, я в курсе, – лаконично ответил Борис. – Что дальше?

– В данный момент я тоже работаю на Илью Никитича, – сообщила я. – Ты ведь в курсе его проблем с сыном? Кто-то из твоих мальчиков уже ездил в Венецию, где я сейчас нахожусь? Может, ты сам и ездил, а?

На эту идею меня натолкнула фраза, оброненная Никитой: «Не надоело папаше присылать за мной своих овчарок?» Фраза эта означала, что я не первая, кого господин Котов присылал за сыном. Интересно, что Илья Никитич в беседе со мной об этом даже не упомянул! Если бы я знала, что это не первая попытка вернуть Никиту домой, я бы построила разговор по-другому, а так мальчик сделал из меня посмешище... А я такого не терплю.

– За парнем ездил не я, – так же коротко ответил Черномор. – Что тебе нужно?

– Информацию! – быстро проговорила я. – Всю инфу, что твой человек собрал о младшем Котове. С кем спит, с кем общается. К какому дантисту ходит. В каком кафе кушает утренний круассан. Мне нужно быстро найти мальчишку и так же быстро вернуть его домой.

В трубке послышался здоровый жизнерадостный смех.

– Ты чего? – слегка обиделась я. – Не вижу ничего веселого.

– Желаю удачи, Женя! – с некоторой издевкой произнес Черномор. Ага, ревнует! Правда, исключительно в профессиональном плане. То, на чем обломали зубы его сотрудники, на счет «раз, два, три» удастся мне, Евгении Охотниковой!

– Спасибо на добром слове, – хмыкнула я. – Так как, сольешь мне инфу? Или мне обратиться к нашему общему работодателю?

– Бери, я не жадный, – деловито отозвался Борис и прервал связь. Некоторое время я слушала короткие губки в трубке. Нет, все-таки Черномор – не самый приятный тип из моих

знакомых. Невоспитанный мужлан, сексист и невежа. Ничего, главное, что просьбу мою он обязательно выполнит.

И точно – едва я успела допить ароматный кофе и заказать еще чашечку, на мою электронную почту пришло письмо. Черномор не обманул – к письму был прикреплен файл, который содержал всю информацию, собранную моим предшественником в этом деле.

Так, посмотрим... Спустя полчаса я оторвалась от экрана телефона и довольно хмыкнула. Черномор не обманул – его люди проделали неплохую работу. Теперь у меня есть все необходимое, чтобы найти Никиту.

Было уже довольно поздно, и я отправилась на ночлег. Поиски отеля «Миранда» привели меня на задворки какого-то кафе, где и состоялся ночной разговор с незнакомкой. Надо же, всюду можно встретить соотечественников. Интересная, однако, дама! Что она имела в виду, говоря об убийствах?

Ворочаясь на влажных простынях в холодном номере, я вспоминала день, который начался так неудачно, а закончился, как говорят аналитики биржевых котировок, «в плюсе». Спать мне предстояло всего пару часов, а дальше меня ждала работа. Остаток ночи я должна посвятить литературоведению...

Глава 2

На вторую встречу с Никитой Котовым я шла подготовленной – как солдат, который идет в бой с автоматом наперевес, но при этом твердо знает, что за голенищем ботинка у него нож, да и саперная лопатка может пригодиться в рукопашной. В общем, во всеоружии.

Сведения о Никите, которыми снабдил меня Черномор, оказались чрезвычайно важными. Но самого главного там не было, и я в очередной раз ощутила приятное чувство, что утерла нос самому крутому профи нашего городка. Самое главное я узнала из короткого и такого неудачного разговора с Никитой. Он упомянул лейкистов... кажется, я знаю, на чем помешан наш мальчик. В моем элитном учебном заведении давали первоклассное образование... правда, со специфическим уклоном. Но курс зарубежной литературы я еще смутно помню. Нас учили этому, чтобы мы, будущие референты и переводчицы, могли поддержать светскую беседу в свободное от шпионажа время... хотя кто в наше время интересуется поэтами позапрошлого века, кроме специалистов по истории литературы?!

Лейкисты, от английского «лейк» – озеро, или поэты так называемой Озерной школы – это трое английских поэтов-романтиков конца XVIII – начала XIX века. Вордсворт, Кольридж и Саути. Никогда не читала. Так, дальше... Протест против классицизма с его риторической напыщенностью... отвергнув рационалистические идеалы Просвещения... что за идеалы? Если я когда-то и знала это, то давно уже забыла. Короче, отвергнув эти самые идеалы, поэты противопоставили им веру в иррациональное, в идеализированное средневековое прошлое. «Образовав тесный дружеский кружок, воспевали на берегах озер северной Англии чарующую прелесть безыскусственной жизни на лоне живописной природы». Так, приехали. То есть сын и наследник главы «Тарасовнефти» именно этим и занимается – заперся с друзьями в «заплесневелом палаццо», по выражению Котова-старшего, и воспекает безыскусственную жизнь на лоне природы?!

Что ж, на свете бывает и такое. И то, что это не укладывается в картину мира, существующую в моем сознании, вовсе не означает, что это не существует... Тьфу, совсем запуталась! Итак, просеяв информацию, выделяем главное: три поэта, которых принято считать «романтиками старшего поколения», и трое младших – Байрон (этого я знаю), Шелли (тоже необычайно колоритная фигура) и Джон Китс (об этом я смутно помню только то, что его жизнь была необычайно короткой – чахотка свела поэта в раннюю могилу). Но ничего – одна ночь в Интернете, и я освежила в памяти давно забытые сведения о романтиках. На мой взгляд, взгляд неспециалиста, эти ребята чем-то напоминали рок-звезд века двадцатого. Наркотики, беспорядочные связи, вопиюще скандальные в те чопорные времена... В общем, «живи быстро, умри молодым». Но поэтами они были настоящими.

Перебирая в памяти имена романтиков, я собиралась на охоту за Никитой Котовым. Молодой человек меня не ждет, так что застаю его врасплох. Думаю, сегодня у меня обязательно получится то, что не вышло вчера. Я уговорю Никиту вернуться под родительский кров и взяться за ум – так, как понимает это его отец.

Нет, я чрезвычайно уважаю творческих людей, ценю свободу и независимость. У Никиты есть право самостоятельно распоряжаться собственной жизнью – если хватит силенок пободаться с отцом. К тому же мальчик уже отметил совершеннолетие... Вот только мне не показалось, что Никиту приковывает к этому городу призвание. Он такой уж хороший поэт? Тогда почему не печатается – а то, что Котов не издал ни единого сборника, да что там, ни одного стихотворения, я точно знаю из досье. Осталось убедиться, что пребывание Котова-младшего в Венеции – просто блажь, и дело в шляпе!

Собираясь на встречу, я решила на всякий случай прихватить кое-что из моего арсенала. Кто их знает, этих романтиков. Вчера они сработали довольно слаженно и красиво, оставив меня бегать по берегу канала и кусать локти.

Я открыла спортивную сумку... и замерла, не веря своим глазам. За годы службы в отряде специального назначения «Сигма» у меня сформировалась привычка серьезно относиться к снаряжению. Как бы я ни устала, оружие должно быть вычищено и готово к работе. Всякая деталь снаряжения хранится в отведенном месте, и никак иначе. А тут я заметила, что фонарь лежит в другом кармашке. Собираясь в эту поездку, я прихватила с собой минимум необходимого. У меня есть разрешение на ношение оружия, но действует оно только в России. И когда работа вынуждает меня покинуть страну, я со вздохом сожаления оставляю дома «Глок-19». Я же не сотрудник Интерпола, чтобы пересекать границы с пистолетом под курткой. И из своего спецснаряжения я беру только самое безобидное, можно сказать, невинное. Никаких дымовых шашек и фальшфейеров – а то, чего доброго, снимут с самолета, приняв за террористку.

Итак, кто-то интересовался содержимым моего скудного багажа. Что ж, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кто способен на такую глупость. Нет, признаю, обыск выполнен вполне профессионально – видимо, у мерзавца долгая практика. Но от этого только хуже.

Я повесила сумку на плечо и спустилась по скрипучей лестнице. Парнишка-портье был на посту – кемарил, положив ноги на соседний стул. На стойке остывала чашка кофе с логотипом какого-то кафе.

Я примерилась и подцепила носком ботинка ножку стула. Дернула – и парнишка кубарем полетел на пол. В падении он распахнул глаза, сгруппировался и приземлился на руки. Перекат – и вот портье передо мной в боевой стойке. Ага, мальчик не так прост, как казалось...

Я сделала финт правой, делая вид, что хочу ударить в лицо. Паренек попался – поставил блок, что позволило мне захватить в замок обе руки противника, развернуть его спиной ко мне, поставить на колени и взять шею в захват – и все это за четыре секунды.

– Слушай внимательно, – на ухо парню проговорила я. – Больше никогда, слышишь, ни единого раза ты не станешь обыскивать мой номер. Если я тебя еще раз за этим поймаю, сломаю обе руки и скажу, что с лестницы упал. Если понял, кивни.

Портье едва заметно шевельнул головой. Так, кажется, взаимопонимание достигнуто.

– А теперь скажи, кто тебе велел следить за мной и ковыряться в моем багаже?

Паренек молчал. Я слегка двинула локтем, и портье зашипел от боли.

– Ладно, ладно, я скажу, – просипел мальчишка.

Я кивнула и сказала:

– Сейчас я тебя отпущу. Сразу предупреджаю – бросаться на меня не надо, ушибешься.

Я разжала захват. Портье поднялся с колен, потирая шею. Парнишку очень интересовало, не осталось ли на его хорошенькой мордашке синяков, поэтому он запрокинул голову и принялся изучать кадык в тусклом зеркальце, висевшем за стойкой.

– Я жду, – напомнила я.

Портье хмуро глянул на меня и признался:

– Да никто мне не приказывал за вами следить. Я всеми постояльцами интересуюсь. Надо же быть в курсе.

– Ага, особенно после того, как я предупредила, что проведу в твоём клоповнике всего одну ночь, – усмехнулась я. – И ты решил пощипать глупую туристку, потому что утром у нее самолет и она не успеет заявить в полицию о пропаже какой-нибудь мелочишки из своего багажа. Ты понимаешь, что я могу сейчас тебя полиции сдать? Вот заявлю, что у меня пропала сумма... скажем, в пятнадцать тысяч евро. Как думаешь, кому полиция поверит – тебе или мне?

Мальчишка криво усмехнулся:

– Так не сдали же. Значит, я вам зачем-то нужен.

Мне понравился умный взгляд и нахальный тон юного негодяя.

– Ладно, гуляй пока. Мне сейчас некогда. Но если еще раз замечу... в общем, ты понял.

Портье поспешно кивнул.

– Сумку я положу в сейф. У вас ведь должен быть сейф, как полагается? Ну вот, запримой багаж в сейф и держи свои руки подальше от него. Уяснил?

Парнишка послушно исполнил требуемое. Сейф в «Миранде» был старенький, но вполне исправный, я проверила.

– Слушай, дружок, – поинтересовалась я, уже стоя в дверях. – Как же постояльцы решают повторно остановиться в гостинице, где их так общипали?

Портье лукаво ухмыльнулся:

– А у нас второй раз никто не останавливается. Холодно и сыро. Только когда карнавал и весь город забит, у нас все номера заняты. А пропажу какого-нибудь полтинника никто обычно не замечает. Туристы никогда не помнят, сколько у них мелочи. Покупки-то все равно по карте...

– Ладно, психолог-самоучка! До скорого.

Погода сегодня немного исправилась – выглянуло солнце, и Венеция выглядела куда приветливее, чем в мой первый день. Город на воде отражался в каналах и казался чисто вымытым вчерашней непогодой. От «Миранды» до дома, где я рассчитывала застать Никиту Котова, было всего полчаса быстрым шагом. Это оказалось и в самом деле «заплесневелое палаццо» – величественное, но обшарпанное здание с барельефом из резвящихся дельфинов на фасаде. Из досье я знала, что один из друзей Никиты снимает здесь целый этаж. Это какие же деньжищи ему приходится выкладывать каждый месяц за аренду! Хотя выглядит двухэтажный дворец впечатляюще, признаю. Сдвоенные, типично венецианские окна, бледно-красный цвет штукатурки фасада. Здание отражалось в воде узкого канала, по которому деловито сновали водные трамвайчики – вапоретто.

Я подошла к монументальной двери из черного дуба. Влаги и жучки успели проточить ходы в прочном дереве, но дверь все еще выглядела внушительно. Я позвонила, мелодичный звон раздался где-то в глубинах дома. Прошло минут десять, а я все ждала. Никуда ты от меня не спрячешься, Никита Ильич. А я сегодня совершенно не спешу! Наконец дверь приоткрылась. Молодой человек, что стоял на пороге, удивленно уставился на меня.

– Но туристо! – раздраженно сообщил незнакомец и даже показал рукой за угол, где, очевидно, пролегал туристический маршрут.

– Я хочу видеть синьора Котова, и побыстрее! – сказала я вежливо, но твердо, отстраняя юношу и преступая порог.

– Эй, вы куда?! – обиженно заорал молодой человек уже по-русски. Я остановилась в восхищении, разглядывая интерьер палаццо. В жизни не бывала в таких удивительных местах! До чего же здесь красиво, несмотря на атмосферу подлинной старины! Честно говоря, глядя на все эти дворцы XV века, я была уверена, что это – аттракцион для туристов. А в тех домах, где проживают люди, внутри евроремонт, а от старины остались одни только раскрашенные фасады. А вот поди ж ты...

– Никита Котов, – повторила я. – Мы с ним уже знакомы. Где он? Мне нужно его видеть. Причем прямо сейчас!

Молодой человек бросил растерянный взгляд на лестницу, и я, отстранив незнакомца, поднялась по старинной лестнице на второй этаж. Моим глазам предстало самое удивительное помещение из всех виденных мной – громадный зал с золоченым потолком. Позолота обрамляла росписи – живопись на мифологические сюжеты. Да, эти венецианцы понимали толк в красоте! Под ногами у меня был темный паркет, маслянисто блестящий при свете настоящего пламени, плясавшего в громадном мраморном камине. Камин украшал собой дальнюю стену и казался островком тепла, недаром возле него собрались пятеро мужчин и одна девушка. Одним

из этих пятерых был Никита Котов. Чтобы приблизиться к обитателям палаццо, мне пришлось пересечь длинный зал. Мои шаги четким эхом отдавались от стен. Кроме нескольких кресел, в которых сидели трое мужчин и девушка, никакой мебели в зале не наблюдалось. Балы они здесь устраивают, что ли? Очевидно, хозяин палаццо мог позволить себе такую роскошь – не пускать к себе туристов и оставлять помещения пустыми.

Шестеро обитателей дворца встретили меня заинтересованными взглядами. Особенно был удивлен Никита Котов.

– Как вы меня нашли?! Чертовщина какая-то... Этого адреса никто не знает, я не сообщал его даже моей матери!

– У меня свои методы работы. – Я скромно потупила взгляд. – Добрый день, господа. Никита, может быть, вы познакомите меня со своими друзьями, раз уж я здесь?

– Ах, простите! – спохватился Котов. – Познакомьтесь, друзья, – это очередная из овчарок моего папаша. Сами понимаете, для чего она притащилась в Венецию – чтобы взять меня за ноздри и доставить домой.

Я решила принять предложенную игру. В самом деле, не обижаться же на мальчишку? Поэтому я улыбнулась и сказала:

– Очень приятно. Рада познакомиться. А вы, простите?..

– Мои друзья сами в состоянии представиться, – хмыкнул Никита.

Вперед выступил высокий темноволосый красавчик, весь в черном, изобразил грациозный полупоклон и выдал:

– Байрон. Джордж Гордон Байрон.

Следом за ним белокурый юноша сообщил мне:

– Шелли. Перси Биши Шелли.

– Джон Китс, – пискнул малорослый парнишка.

Я обернулась к тому, кто впустил меня в дом:

– А вы, полагаю...

– Кольридж. Сэмюэль Кольридж, – с откровенной издевкой выдал мальчик.

Только тут я сообразила, на что похож этот странный ритуал. Именно так представлялся Джеймс Бонд в многочисленных летах «бондианы». Помните: «Меня зовут Бонд. Джеймс Бонд». Ладно, по крайней мере, в чувстве юмора этим ребятам не откажешь. Однако какой апломб! Как высокомерны эти юнцы. Наверняка считают себя умнее прочих и глубоко отличными от «серого большинства». Ничего, с годами это пройдет.

Я обернулась к Никите Котову и светским тоном поинтересовалась:

– Полагаю, роль Уильяма Вордсворта вы приберегли для себя?

Мальчик вскинул брови, даже рот приоткрыл. Вот вам, ребятки! Полагаете себя рафинированными эстетами? В ваш круг избранных нет доступа чужакам? Может быть, я излишне категорична, да что там – жестока... Но, по-моему, эти типы – просто клоуны. Сродни толкиенистам, мода на которых, к счастью, уже прошла. Те, помнится, бегали по полям, изображая эльфов, хоббитов или гномов. Сказки рассказывают детям, и там, в детстве, сказки и должны оставаться. А когда взрослые увлекаются такими вещами, это выглядит очень нездорово... Да и легко быть эстетом на папины денежки. Кстати, настоящие поэты Озерной школы, да и младшие романтики вовсе не были богаты, вечно нуждались в деньгах и уж точно не могли зависнуть в Венеции, одном из самых дорогих городов мира, этак на годик-другой... Как человек, всего в жизни добившийся самостоятельно, я недолюбливаю мажоров.

В тишине раздался голос единственной в компании девушки:

– Уильям, наша гостья не безнадёжна. Может быть, пригласим ее к завтраку?

Никита немного растерялся. Он переводил взгляд с меня на девушку, словно пытаясь понять, какую игру она задумала. Вдруг Котов кивнул и предложил:

– Можете позавтракать с нами. Простите, я забыл, как вас зовут...

– Вы не забыли. – Я улыбнулась. – Вы просто не дали себе труда поинтересоваться. Меня зовут Евгения. Евгения Охотникова. Не стану притворяться, будто я новое воплощение Эмили Дикинсон или Сафо. Просто Евгения. Но вы забыли кое-что другое, Никита... Ничего, что я вас так, попросту, вашим обычным именем? Вы забыли представить вашу подругу.

Щеки юноши вспыхнули румянцем, он смутился.

– Алиса. Просто Алиса. – Девушка привстала с кресла и даже протянула мне для пожатия руку в перчатке. Я осторожно пожала пухлую ладошку. Из досье Черномора я уже знала, что в компании друзей Никиты Котова всего одна девушка. Именно ее, эту таинственную девицу, я и определила как источник неприятностей, как главную причину, что мешает наследнику «Тарасовнефти» покинуть Венецию, вернуться наконец домой и начать нормальную жизнь. В моем сознании сформировался образ роковой красавицы, утонченной, бледной и порочной, охотницы за деньгами глупеньких мажоров... но при виде Алисы эта теория немедленно испарилась.

Единственная девушка в кружке поэтов была толстенькой и, чего уж там скрывать, изрядно похожей на мопса. На редкость невзрачная девица! Длинное белое платье еще больше подчеркивало несовершенства ее фигуры. Распущенные по плечам длинные светлые волосы, в которые вплетены какие-то цветы, придавали ей вид актрисы самодеятельного театра. Воображает себя героиней с картины прерафаэлитов? Да девочка просто не умеет одеваться. Похожа на городскую сумасшедшую. Еще эта претенциозная перчатка до локтя, из белого шелка... Нормальные девушки такого не носят! Эти мальчики сами заплутали в лабиринтах мечты и бедную девицу втянули в свои странные игры.

Кстати, и молодые люди одеты так, точно собрались на костюмированный бал – во фраки, белые рубашки, жилеты с высокими воротниками, узкие штаны и какие-то штиблеты.

Фрак на Байроне был красным, Китс носил зеленый, изрядно потертый на вид, Кольридж коричневый, а остальные были в черном. Из жилетного кармашка Байрона свисала цепочка – очевидно, от часов, а на цепочке были нацеплены блестящие брелоки, разноцветные ленточки. Видимо, в начале XIX века тоже были хиппи? Или это мода такая?

Но на мужчинах эта одежда смотрится совершенно нормально. Кое-кому даже очень идет. Стильненко так.

– Позвольте поинтересоваться, кому принадлежит этот дом? – полюбопытствовала я.

Белокурый юноша в черном, тот, что вообразил, будто он Шелли, выступил вперед:

– Палаццо принадлежит мне. Точнее, я снимаю его у наследников, они проживают в Вермонте, и содержать дворец им не по карману...

– Знаешь, Перси, тебе осталось только показать Евгении свою налоговую декларацию, – фыркнул тот, что назвался Байроном. – Не многовато ли подробностей для чужака?

– Поверьте, я мечтаю только о том, чтобы сделаться вам не чужой, – тонко улыбнулась я. – Всегда мечтала войти в круг избранных. Знаете, меня тоже влечет к себе вечная красота.

Никита Котов с сомнением уставился на меня, но я подарила ему нежную улыбку, и мальчик потупился. При всей своей стати русского доброго молодца – румянец во всю щеку, косая сажень в плечах – Никита выглядел поразительно неискuschenным.

– Чудесное палаццо, – светским тоном произнесла Алиса. – Мы очень рады, что Перси пригласил нас быть его гостями. Вот обратите внимание на камин – это мрамор работы Якопо Сансовино. Правда, прелесть? А мифологические сюжеты на плафонах потолка принадлежат кисти...

– Алиса! – взмолился Байрон. – Мы еще даже не завтракали!

Девушка встала, грациозно – как ей казалось – придерживая длинное платье.

– Отлично! Вы, мужчины, поразительно приземленные существа. Правда ведь, Евгения, в них очень много сохранилось животного?

– В женщинах животного ровно столько же. Например, во мне. Честно признаться, я не успела позавтракать и ужасно голодна, – призналась я.

Рафинированные эстеты с облегчением зашумели, послышался смех, и мы дружной толпой проследовали в столовую – не менее роскошную комнату с длинным столом под белоснежной скатертью и рядами старинных стульев. К завтраку уже накрыли. Столовая вполне могла вместить роту солдат, но за столом нас было только семеро. Алиса заняла место хозяйки. Байрон подергал за бархатный шнур – очевидно, подавая сигнал прислуге, и вскоре полная низенькая дама в черном платье, белоснежном фартуке и с наколкой на седых волосах внесла фарфоровую посудину.

– Овсянка, сэр! – нарушая атмосферу эстетства, радостно пошутил худенький Китс. Остальные смирили его осуждающими взглядами. В кастрюле действительно оказалась овсянка. Пожилая итальянка принялась серебряной ложкой раскладывать кашу по тарелкам. К счастью, на столе было еще много всяческой еды. Яйца, копченая рыба, подсушенный хлеб, джем. Завтрак был скорее британским, чем итальянским. Молодые люди явно обладали прекрасным аппетитом, но к еде никто не приступал.

– Благодарим мироздание за щедрые дары! – сказала Алиса, молитвенно сложив руки в перчатках. На мой изумленный взгляд девушка пояснила: – Мы агностики.

И как ни в чем не бывало принялась за еду. Романтики не отставали. Некоторое время слышался только тихий перезвон ложек по фарфору и просьбы типа «передай копчушки».

Когда молодые люди насытились, разговор вернулся к поэзии:

– Мудрость и Дух мироздания! Анима,
Предвечного сонма искусное чадо,
Что форме и образу дарит дыханье,

– процитировала я строчки из стихотворения Вордсворта. – Скажите, кто в наши дни способен написать столь прекрасные слова?

Как выяснилось, вопрос был задан правильный: молодые люди пустились в рассуждения о том, как измельчала поэзия за последние пару веков – мелкие темы, пошлые сюжеты... Следующие полчаса прошли в жарких спорах – тот, кто считал себя Китсом, утверждал, что и среди современников есть пара-тройка стоящих поэтов, а остальные дружным строем выступали против. Я сообразила, что подобные споры ведутся в этих стенах не в первый раз. И подивилась причудливой прихоти судьбы. Подумать только, эти ребята молоды, хороши собой, здоровы и богаты. И что же? Из всего многообразия мира их привлекают рифмованные слова и образы давно забытых поэтов.

Разговор не представлял для меня ни малейшего интереса, а завела я его с одной целью – выявить, кто же является лидером в этой странной компании. Мои глаза скользили по лицам спорщиков. Я не прислушивалась к тому, что они говорят, зато анализировала поведение, мимику, невербальные сигналы и прочее. Этому меня когда-то на-учили в «Ворошиловке», и навыки психолога не раз помогали мне в работе телохранителя.

Самым шумным и яростным спорщиком был Джордж Гордон Байрон. Молодой красавец с темными выющимися волосами нападал на оппонентов так, будто от исхода спора зависела его жизнь. Перси Шелли говорил тихо, мягким приятным голосом, но всякий раз оказывался прав – очевидно, он разбирался в современной поэзии куда лучше громогласного друга. Китс вставил всего одно замечание, зато строго по делу. Кольриджу, кажется, доставлял удовольствие сам процесс спора – чернявый юноша с желтовато-бледной кожей выступал на стороне то одного, то другого спорщика, умудрялся перессорить тех, кто пришел к единому мнению, и вообще не давал конфликту угаснуть. Единственная девушка в компании почти не принимала участия в разговоре и, кажется, откровенно скучала. Отодвинув чашку с остывшим кофе,

девушка закурила коричневую сигарету в длинном мундштуке. По комнате поплыл приятный, но чересчур ароматизированный дым. Китс закашлялся и виновато оглядел собравшихся. Никто не обратил на него внимания. А вот Уильям Вордсворт, он же Никита Котов, вообще не интересовался спором о поэзии. Когда молодому человеку задали вопрос, он ответил невпопад. Его глаза, обежав комнату, то и дело возвращались ко мне. Котов нервничал: поминутно облизывал губы, постукивал пальцами по столу – совершенно так же, как его отец, в общем, проявлял все признаки нечистой совести. Иногда Никита переглядывался с Кольриджем. Казалось, между ними происходил беззвучный диалог.

Почему эти двое такие беспокойные? Остальные не проявляют нервозности. Скорее мое появление их развлекает. Видимо, в этой компании давно соскучились по свежему человеку... Кто же из них лидер? Это был очень важный вопрос.

Я заметила, что чаще всего в союзники себе спорщики выбирают Шелли – спрашивают его согласия или одобрения. Итак, лидер, кажется, найден. Осталось только приручить этого молодого человека – и вся компания у меня в кулаке!

Наконец затянувшийся спор о современной поэзии мне надоел. Главное я уже уяснила – эти ребята действительно разбираются в том, о чем говорят, и тратят кучу времени на свое странное хобби. Значит, то, что объединяет этих молодых людей, и в самом деле поэзия – как ни странно это звучит, а не увлечение, к примеру, морфином... Пора было менять тему.

– Скажите, господа, где я могу ознакомиться с вашим собственным творчеством? Как и вы, я зачарована стихами лейкистов и романтиков, но мне хотелось бы прочесть что-то оригинальное!

В столовой повисла мрачная тишина. Я поняла, что мой вопрос оказался чрезвычайно бестактным. Единственный, кто оживился, была Алиса. Девушка выпустила клуб пахучего дыма и похвасталась с детским простодушием:

– Месяц назад я издала сборник. Это уже второй! Называется «Анима».

– По-латыни это значит «душа»? – уточнила я. Удивленно приподнятые брови Алисы были мне наградой. Зная, насколько самолюбивы поэты в таком возрасте, как нежно они относятся к своему творчеству и как ценят всякую похвалу, я попросила: – Мы еще так мало знакомы... не будет ли с моей стороны чрезмерной самонадеянностью попросить в подарок экземпляр с дарственной надписью?

Лица некоторых юношей – к примеру, Кольриджа и Байрона – выразили нечто, очень похожее на самую откровенную зависть. Алиса немедленно вскочила, скрылась в соседней комнате и вскоре уже протягивала мне тонкую книжечку изысканного нестандартного формата. Я перелистала мелованные страницы, полюбовалась розовой обложкой с какими-то ирисами бледно-сиреневого цвета. Читать самодеятельные вирши толстушки я точно не собиралась, мне было важно вызвать расположение и доверие девицы. Уверена, эта дурочка может поведать мне много интересного о тайнах своих друзей...

Алиса поставила на первой странице неразборчивый росчерк и задумчиво проговорила:

– Знаете, Евгения, вы определенно не безнадежны. Жаль, что вам скоро уезжать.

– А кто вам сказал, что я уезжаю? – удивилась я. – Мне безумно нравится Венеция, совершенно не собираюсь так скоро с ней прощаться. Да и все вы, признаться, мне симпатичны! С удовольствием продолжила бы знакомство.

– Позвольте! – изумился Байрон. – Мы думали, что ваша задача – взять нашего общего друга за... за ноздри и притащить на правее к папаше!

Котов нервно облизнул губы и тревожно взглянул на меня.

– Совершенно верно, – кивнула я. – Но ведь Никита... простите, Уильям – взрослый, разумный человек. Вдобавок совершеннолетний. Он недвусмысленно дал понять, что не хочет возвращаться в Россию. Не могу же я запихнуть его в чемодан и перевезти через границу по горным альпийским тропам!

Все засмеялись, даже Никита слегка расслабился и позволил себе улыбнуться.

– Так что я вовсе не намерена уезжать. Хочу получше узнать этот волшебный город и... может быть, вы, господа – знатоки его истории и красот, – поможете мне? И наш разговор о поэзии еще не закончен...

Все. Удочка заброшена. Посмотрим, кто клюнет...

Первым на мою приманку попался Перси Шелли:

– Думаю, я скажу за всех. Вы нам понравились, Евгения. Мы не против продолжить наше знакомство. Здесь, в Венеции, мы ведем довольно... занимательную жизнь. И если вы разделяете наши интересы, если и в самом деле зачарованы творчеством романтиков – добро пожаловать в наш круг!

Я невольно залюбовалась белокурый юношей в черном фраке и белоснежной рубашке. Вообще-то я знала, что этого молодого человека зовут Костя Заворыкин, что его папаша – питерский предприниматель, хозяин сети магазинов по всей стране – от Калининграда до моего родного Владика. Знала, что мальчик бросил учебу в Лондоне и целый год болтается в Италии – точно так же, как и Никита Котов. Но в эту минуту белокурый юноша и в самом деле был похож на Перси Биши Шелли, чей портрет любезно предоставила мне Всемирная паутина.

Все одобрительно зашумели. Видимо, ребята и в самом деле утомились жить в своем узком кругу и были рады свежему взгляду и новому человеку.

Только Никита не проявил воодушевления. Да еще Сэм Кольридж вставил язвительное замечание:

– Персик, почему бы тебе тогда уж заодно не пригласить Евгению пожить в твоём палаццо?

Шелли словно бы не заметил сарказма, мило улыбнулся и предложил:

– И в самом деле, Евгения... Жизнь в Венеции чудовищно дорогая, почему бы вам не поселиться с нами? У меня здесь множество пустующих комнат, попрошу Кармеллу привести в порядок любую по вашему выбору...

Сработало!

– О, благодарю вас. Вы так добры и гостеприимны, – рассыпалась я в любезностях.

– Нет! – Голос Никиты Котова прозвучал преувеличенно громко. – Только через мой труп!

– Прости? – Шелли удивленно взглянул на друга.

– Эта женщина поселится здесь только через мой труп, – повторил Котов. – Вы, кажется, забыли – она работает на моего папашу! Он нанял ее с одной целью: разрушить нашу жизнь, вернуть меня в этот грязный Тарасов. Вы что, действительно поверили, что ей нравятся поэты Озерной школы?! Да вы наивны, как дети! Она просто хочет поближе подобраться ко мне, вот и все!

А мальчик не так глуп! Никита не на шутку разошелся. Лицо юноши побагровело, он трясся и, кажется, с трудом себя контролировал. На мгновение мне стало не по себе. Нет, разумеется, я не боялась Никиту Котова – я способна защитить себя и от более опасного противника, чем мальчик-мажор. Просто если мне придется применить силу на глазах у всех, потом будет очень сложно наладить контакт.

– Уилл, успокойся, пожалуйста. – Голос Алисы прозвучал неожиданно резко. – Ты позоришь нас перед гостями. Что подумает о нас Евгения!

Никита вздрогнул и разжал кулаки. Смущенно оглядел свои большие ладони с красными полукружиями – следами от ногтей, потом пробормотал:

– Извините. Опять на меня накатило...

– Спасибо за любезное приглашение, – улыбнулась я. – Думаю, мне лучше остаться в гостинице. Но если вы разрешите мне навещать вас, буду рада.

Все наперебой принялись заверять меня, что я могу приходить когда пожелаю и принимать участие в их изысканных развлечениях. Алиса так и выразилась – «изысканных».

Шелли оглядел собравшихся и с видом заговорщика спросил:

– Никто не против?

Каждый из молодых людей кивнул, только Никита воздержался. Тогда Перси обратился ко мне:

– Да вот прямо сегодня у нас намечается... мероприятие. Посвящение новичка.

– Неужели? Как интересно! – вполне искренне восхитилась я.

Ну-ка, посмотрим, что задумали ребята... При их прихотливой фантазии это может быть все, что угодно...

– Сегодня Джон Китс по праву займет свое место в нашем кругу, – пояснил Байрон. – Только для начала ему предстоит пройти испытание.

– Испытание? – Я бросила взгляд на Китса. Паренек выглядел не слишком-то счастливым. Видимо, знал, что ему предстоит. – И в чем же оно заключается?

– Стоп, стоп! – Алиса заливисто засмеялась и кокетливо поправила цветок в волосах. – Не стоит вот так сразу раскрывать перед гостьей все наши тайны! Пусть это останется секретом!

Вот ведь вредная девчонка! А я так рассчитывала узнать, к чему готовиться вечером.

– Итак, Евгения, ждем вас на набережной Гранд-канала в восемь вечера. Оденьтесь потеплее. И приходите обязательно – будет интересно! – Алиса подарила мне загадочную улыбку.

– С нетерпением жду вечера! – Я поднялась. – А сейчас мне пора. До встречи!

Мне показалось, или Кольридж и Вордсворт переглянулись? Во всяком случае, именно эти двое вышли следом за мной, чтобы проводить меня – или чтобы убедиться, что я точно покинула палатку, а не затаилась где-нибудь в прихожей...

Если вы хотите задать человеку вопрос, на который тот предпочел бы не отвечать, выберите подходящее время и место, и гарантированно получите ответ. Я искоса глянула на Никиту. Молодой человек выглядел спокойным и расслабленным. Конечно, решил, что всякая опасность позади. Неприятная гостья сейчас уйдет, и можно будет без помех поговорить с другом, да вот с этим, Сэмюэлем Тэйлором...

Я повернулась к Никите и задала вопрос, который давно приберегала:

– Кстати, если не секрет, куда вы дели Саути?

Застигнутые врасплох, оба юноши отреагировали очень нервно. Кольридж попятился и воровато оглянулся через плечо, точно отыскивая маршрут для бегства. Котов шагнул вперед и сжал кулаки. Я продолжала насмешливо изучать лица обоих друзей. Наконец Котов отважился задать встречный вопрос:

– Почему... почему вы так решили?

Ага! Я попала в десятку!

– Ну как же! Догадаться несложно. Вы взяли имена поэтов-романтиков. Вордсворт и Кольридж – старшие поэты, представители Озерной школы. Логично предположить, что, когда в компании появились господин Байрон, синьор Шелли и товарищ Китс, все остальные вакансии уже были заняты. Иначе бы они получили имена, следующие в списке по хронологии. Раз имя Саути свободно, значит, оно принадлежало кому-то. И этого человека сейчас нет с вами. Вот я и спрашиваю, куда вы дели Роберта Саути?

– Он умер, – с вызовом сказал Никита.

– Правда? Вы говорите серьезно?

Я ожидала чего-то в этом роде, но, честно говоря, думала, что сейчас раскопаю какой-нибудь давний скандал, конфликт в дружном коллективе этих игрушечных романтиков. А тут такое...

– Что же с ним случилось? – продолжала допытываться я. Теперь не успокоюсь, пока не раскрою тайну исчезнувшего поэта.

– Просто несчастный случай, – отчеканил Котов. – Ничего интересного.

– Что значит – просто?! – удивилась я.

Кольридж бросил на меня проницательный взгляд и отстранил друга, видимо, боясь, как бы несдержанный Вордсворт не наболтал лишнего. Я уже заметила, что юный Котов – натура увлекающаяся.

– Просто – это значит, что таких случаев в этом городе много. Он возвращался вечером к себе после одного из наших вечеров, у Алисы как раз вышла книжка – ну, та, что она вам подарила. Саути шел поздно ночью, был туман. Набережные здесь неогороженные, сами видите. Он заблудился в тумане и свалился в канал. Поскольку мы немного выпили в тот вечер, выплыть он не смог. Может, головой ударился, а может, вообще плавать не умел.

– Да, и после этого мы все съехали со своих съемных квартир и поселились в палаццо Дельфино, у Шелли. Он чувак нежадный, денег у него много.

– А вы уверены, что то, что произошло с вашим другом Саути, – это был несчастный случай? – спросила я.

Кольридж вытаращил глаза:

– А что же это еще может быть, по-вашему?

– К примеру, нападение с целью ограбления, – выдала я, хотя предполагала совсем другое. Впрочем, версию ограбления нельзя было сбрасывать со счетов. В Венеции полным-полно темных узких улочек, а также богатеньких Буратин, которые с наступлением сумерек продолжают гулять и наслаждаться красотами города. Естественно, преступность в Венеции существует – как и в любом городе мира. Если уж в Тарасове по ночам угоняют тачки и отбирают кошельки, что говорить о туристической столице Европы, где человеку без денег попросту нечего делать. Нет, если гулять по проверенным туристическим маршрутам, ничего плохого с вами не случится, даже если вы увешаетесь бриллиантами, как новогодняя елка. Но некоторые иностранцы в поисках подлинной Венеции забредают туда, где их совсем не ждут.

– Ограбление? – усомнился Сэмюэль. – Роберт был богат, но налички с собой не носил. Что мы, по-вашему, – идиоты? Мы в Венеции второй год и прекрасно знаем, чего нельзя делать.

– В полиции сказали, что это был несчастный случай. И точка, – отрезал Никита. – И хватит об этом.

– Как скажете! – Я пожала плечами. – А этот Саути, он, что же, тоже постоянно проживал за границей?

– А, ему семья платила содержание, лишь бы он дома не появлялся! – отмахнулся Сэм. – Между нами, он был не человек, а ходячий скандал. Ни одной приличной задницы не пропустил.

– П-простите? – поперхнулась я.

– Понимаете, – как ни в чем не бывало принялся объяснять мне Кольридж, – когда у его папаши в девяностые завелись денежки, он решил, что сыну подойдет истинно британское образование. И отправил Роба – мы звали его Бобби – в закрытую школу. Естественно, вышел он оттуда законченным гомиком.

– А-а, ясно, – сообразила наконец я.

– Он домой в свой Нефтеюганск вернулся и давай за бурильщиками ухлестывать. Само собой, папе это не понравилось. Он и сплавил Бобби с глаз долой – мол, мотайся по заграницам, а семью не позорь!

Сэмюэль желчно рассмеялся. Кажется, этот молодой человек искренне радовался всякому намеку на скандал.

– Заткнись, пожалуйста, ты, трепло! – с горечью проговорил Никита. – Вот зачем ты ей все рассказал?

– А что такого? – похлопал ресницами Кольридж. – Если она ищейка, как ты говоришь, то рано или поздно она и сама раскопала бы. История-то вышла громкая. А если Евгения и в самом деле так любит поэзию, Венецию и прочую хрень, тогда эта информация нам не повредит. В общем, Евгения, после этой истории в наш тесный кружок вошла смерть!

И Сэм замолк, наслаждаясь произведенным эффектом.

Значит, смерть. Как легкомысленно этот мальчик относится к гибели друга...

– Ну что же, прощаемся до вечера? – жизнерадостно произнесла я. Котов смерил меня мрачным взглядом и пробормотал:

– Надо же, как ловко вы втерлись в наш круг... и как это вам удастся?

Я вышла на набережную и отправилась в сторону своей гостиницы. Итак, блицкрига не получилось. Операция «верните Котова домой» вступила в новую фазу. На этом этапе мне было необходимо получить санкцию от господина Котова-старшего. Вдруг он скажет, что мне не имеет смысла торчать в Венеции до, как говорит моя тетя, «морковкина заговения»? Что ж, если Котов махнул рукой на своего непутевого сына, я не стану переживать. С легким сердцем я оставлю за спиной Никиту и его странных друзей, все их проблемы и тайны. А также этот непостижимый город, где можно снять здание XV века и преспокойно поселиться в нем и где чашечка кофе стоит пятьдесят евро...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.